

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Юрий ВЛАСОВ

93-й. ГОД ВЕЛИКОГО ПОРАЖЕНИЯ

Василий воинствующий нищелюб,
вопреки ощутивший власть богатства,
в октябре 1933-го стреляли не в людей —
стреляли в Россию. Озверевая солдатня
и милиция стреляла в Русь.

Самые честные и лучшие люди. Судьба ее
теперь — быть разорванной на куски, жить
с заткнутым ртом, хиреть, терять память,
все хуже пропитаться страхом
и умирать, умирать....

Юрий Власов

93-й. Год великого поражения

«Алисторус»

Власов Ю. П.

93-й. Год великого поражения / Ю. П. Власов — «Алисторус»,

В данной книге представлены общественно-политические статьи и выступления Ю.П. Власова за период от конца 80-х до середины 90-х годов. В них отражается обстановка, которая была в стране в то время, ясно видны предпосылки событий 93-го года. Анализируя их, автор приходит к обоснованному выводу о том, что, по сути, они явились буржуазной контрреволюцией, «революцией богатых против бедных», и окончательно похоронили надежды на лучшее будущее для России и народа при существующем политическом строе.

© Власов Ю. П.

© Алисторус

Содержание

От редакции	5
Часть I. До 1993-го...	6
Мы подошли к критической точке своего развития	7
На критической отметке	12
Почему я вышел из КПСС	17
Россия прорвется в будущее	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрий Власов

93-й. Год великого поражения

От редакции

Ю.П. Власов всегда был в центре борьбы – спортивной, литературной, политической, – которая определялась одной великой целью: служением своей родине. Он добывал для России золотые медали на мировых первенствах, возвеличивал ее в своих книгах, страстно сражался за нее на политических ристалищах.

В годы перестройки он активно выступал против засилья партийной бюрократии, видя в нем корень многих бед, постигших нашу страну. Но, в отличие от многих других борцов с партийной номенклатурой, с бесконтрольностью бюрократического аппарата, Власов не призывал к уничтожению всей советской системы и положительных завоеваний социализма. Для настоящего русского патриота Россия неотделима от ее народа, поэтому, призывая к реформам, Ю.П. Власов постоянно подчеркивал, что они должны проводиться таким образом, чтобы положение простых людей улучшалось, а не ухудшалось в ходе преобразований.

Однако устремления российских реформаторов в начале 90-х годов оказались направлены совсем в иную сторону. Беспрецедентное в нашей истории разграбление национальных богатств государства так называемыми «демократами» вызвало бурный протест Власова, и он уже осенью 1991 года точно предсказал, что эта власть приведет к обнищанию подавляющего числа населения страны, к ослаблению могущества державы, к зависимости ее от Запада.

С той поры Ю.П. Власов стал непримиримым противником правящего режима; все попытки властей заставить его свернуть с пути сопротивления окончились ничем. В 1993 году Ю.П. Власов решительно поддержал выступление Верховного Совета против Ельцина и криминальной политической системы лжедемократов. Поражение Советов в тех кровавых событиях Власов воспринял как личную трагедию, но не сломился и продолжил свою трудную борьбу за возрождение России, за достойную жизнь.

В данной книге представлены общественно-политические статьи и выступления Ю.П. Власова за период от конца 80-х до середины 90-х годов. В них отражается обстановка, которая была в стране в то время, ясно видны предпосылки событий 93-го года. Анализируя их, автор приходит к обоснованному выводу о том, что, по сути, они явились буржуазной контрреволюцией, «революцией богатых против бедных», и окончательно похоронили надежды на лучшее будущее для России и народа при существующем политическом строе. Отголоски 93-го года слышны и поныне, поэтому книгу Ю.П. Власова по праву можно назвать злободневной и интересной для всех истинно русских людей.

Часть I. До 1993-го...

Журнал «Советский цирк», 4 мая 1989 г., № 18

Мы подошли к критической точке своего развития

«Тяжкие ошибки прошлого, то, что породило кризис, – это прежде всего бесконтрольность власти, ее независимость от народа. Между тем цивилизация выработала защиту против застоя, деспотии, коррупции, всевластия охранных органов, обеспечив демократический отбор людей на любых уровнях государственной власти, уничтожив благоприятную среду для возможных беззаконий, возникновения различного рода культов и культиков.

Нельзя разрешать ни одного вопроса – от местного до государственного уровня – без создания правового демократического государства. Без подкрепления законами все благие пожелания, связанные с перестройкой, окажутся лишь словами и полумерами.»

(Из выступления Ю. Власова перед избирателями Люблинского района)

– Закономерно, что первый вопрос к кандидату в народные депутаты связан с его программой. Но недавнее выступление в «Огоньке» народного депутата СССР режиссера Марка Захарова показало, что у кандидата может и вовсе не быть строгой программы.

Считаете ли вы четко изложенную программу необходимым аксессуаром предвыборной борьбы?

Программа нужна, но я противник лобового толкования этого понятия: вот, дескать, изберем такого-то депутата, и он примется увеличивать пенсии, закрывать атомные электростанции, продавать дешевую колбасу и так далее. Для меня функции программы иные: представить избирателям нравственный и политический портрет кандидата. Это позволит ориентироваться, какую позицию депутат займет при обсуждении тех или иных вопросов в парламенте. Впрочем, программы кандидатов сейчас часто похожи, как две капли воды, у одного, может быть, чуть резче, у другого – мягче. Но люди за ними стоят разные.

Избиратели, например, ревностно относятся к тому, чем занимался кандидат при режиме Брежнева, был в фаворе или гоним. Но и это – близорукий взгляд, хотя кандидату, включившемуся в борьбу, нужно считаться и с ним.

– Не кажется ли вам, что сегодня сложился определенный алгоритм успеха кандидата: чем больше разрушительного пафоса в речах, тем больше шансов на успех?

– Это закономерно. Все ждут перемен. Я четко уяснил, что тот, кто говорит искренне о пороках нашей системы, кто знает и понимает, что она исключает свободу в истинном значении этого слова, и кто сам хлебнул этих «свобод», тот находит поддержку у народа.

Я вижу несколько причин такого отношения. Ухудшающееся экономическое положение. Оно все сильнее революционизирует народ. И потому даже очень далекие от сегодняшнего дня призывы находят поддержку. Второе: наступил кризис идеологии. Это ясно подтверждается на тех собраниях, где мне довелось выступать. Люди стали стесняться называть себя коммунистами. В скрытой и открытой форме подвергаются сомнению принципы социализма. Часть коммунистов в своих прогрессивных программах уходит очень далеко, а часть остается на знакомых до боли позициях: душить и не пущать. Я четко вижу в партии эти два крыла. И еще – кризис межнациональных отношений.

Люди, разные по убеждениям, мировоззрению, традициям, нравам, вынуждены вариться в узких рамках заданной идеологии. По-прежнему происходит раздвоение личности, удушающая и изнурительная борьба с самим собой. Это поддерживается страхом перед возможными репрессиями, возврат которых не исключает никто.

– В своей речи перед избирателями вы говорили, что именно КПСС сегодня в состоянии вывести государство из кризисного состояния.

– Да, именно партия. Потому что другой силы, способной реально влиять на положение дел в стране, сейчас нет. При этом партия в своих руководящих органах всех уровней должна пройти через демократическое очищение. Она должна стать партией без генеральства и постыдных привилегий.

Отказ значительного числа партийных кадров сердцем принять перестройку, пойти на потерю своих привилегий создает дефицит доверия к ним. Это, в свою очередь, усиливает кризисные явления во внутривластной обстановке. Сам же аппарат, та его часть, что не приняла перестройку, предпринимает все ради того, чтобы не пропустить в народные депутаты тех людей, которые вели и ведут с ним борьбу. В своей демагогии («непатриотично», «антисоветски» и прочая) они забывают о том, что уложены в землю десятки миллионов людей, совсем недавно пролита кровь в войне, не нужной для народа, а сам народ фактически лишен прав. И при этом обижаются, когда народ всего лишь требует считаться с ним. Пытаются отделаться обещаниями или подачками. Скажем, откроют где-то колбасный завод или подбросят перед выборами на прилавки дефицит.

Дело не в колбасных заводах! Люди должны оскорбляться в ответ на такие обещания, на такое обращение. Люди имеют право на другую жизнь: они отдают себя, всю свою жизнь труду, бесконечно и надрывно. А те, кто провалил все светлое, что несла революция, не хотят отвечать ни за что.

В двери не стучится – ломится боль, мука, душевная натянутость и смятение народа!

– *Мы сейчас все громче говорим о создании правового государства. Слышим об этом с самых высоких трибун. Но последние зигзаги на этом пути, кажется, становятся опасными для движения...*

– Не должно быть правительственных, политических и общественных организаций, в том числе и КПСС, вне контроля народа, осуществляемого Верховным Советом СССР.

Необходимо добиться свободы убеждений не на словах, а на деле.

Срочно требует обсуждения народных депутатов Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 года. Ряд его положений может толковаться столь широко, что на деле они могут быть повернуты против любой критики и любого несогласия. Это делает практически невозможной и саму критику. Я вижу в этом указе и такой смысл – держать всех в испуге. Необходимо внести изменения и уточнения, чтобы исключить произвольное толкование и применение указа.

Требуется Закон о печати. Средства информации должны быть свободны от идеологического контроля и любых ограничений, кроме пропаганды войны, насилия и национальной розни.

Необходим Закон о гласности: граждане СССР вправе знать обо всем, что происходит в стране.

Нуждается в обсуждении и изменении Закон о выборах народных депутатов СССР: выборы должны быть для всех без исключения прямыми и тайными.

Нужна реформа суда.

Опыт нашей истории, небывалые репрессии, особое бесконтрольное положение охранных органов, их фактическая независимость от народа требуют, чтобы каждый гражданин страны находился под защитой от возможного произвола КГБ и МВД. Обязательно создать комиссии Верховного Совета СССР для контроля за деятельностью этих органов.

Любое принимаемое решение должно быть экономически и экологически обосновано, должно пройти через независимую компетентную экспертизу. И работа экспертных комиссий должна оплачиваться из средств, отпускаемых на реализацию обсуждаемого решения.

Главным критерием возможности функционирования любого предприятия следует считать здоровье людей. Реакторы атомных электростанций должны обязательно быть под землей,

а вероятность попадания радиоактивных продуктов в почвенные воды сведена к нулю. Все АЭС должны обследоваться независимыми комиссиями, а результаты публиковаться в печати.

Принять Закон об экологической ответственности.

– *Предположим, что законы, о которых вы сказали, – сейчас я имею в виду первую часть вашего ответа на предыдущий вопрос, – приняты завтра. Без всяких оговорок и возможности двусмысленного толкования. Вы уверены, что это не приведет к полной потере контроля за ситуацией в стране?*

– Мы уже убедились, что скачкообразное, насильственное ускорение истории – вещь опасная и с трагическими последствиями. И наш долг – сделать все, чтобы в нынешней революционной ситуации избежать новых кровавых ошибок. Поэтому я выступаю за постепенную перестройку экономики, правовых норм, всего уклада жизни. Чтобы избежать дезорганизации и хаоса. Именно так: постепенное политическое и экономическое обновление и совершенствование всего государственного механизма. Эта работа должна идти обязательно конституционным путем.

– *Вы не разделяете опасений, что новый парламент может превратиться в чисто формальную структуру?*

– Разделяю. Но убежден, что присутствие и голос пусть даже небольшой, но прогрессивной – в моем понимании – группы людей в парламенте могут очень сильно влиять на развитие событий. Причем не только на обстановку в самом парламенте и принятие решений, но и на настроение и мировоззрение миллионов людей. Ясно, что об этом можно говорить всерьез лишь при условии безоговорочной гласности в работе законодательного органа страны. Последнее особенно важно. Ведь народ-то еще на самом деле не проснулся! Я сужу по ходу предвыборной кампании: в каждом округе в предвыборных баталиях участвуют сотни, пусть тысячи людей. А основная-то масса – триста тысяч – где она? В лучшем случае эти люди придут к избирательным урнам.

Мы стоим на критической точке своего развития. Куда идти, что сделать, чтобы не случилось еще одной трагедии? Ведь ситуация по-прежнему такова, что достаточно прийти к власти другим людям – и все может повернуться вспять. В моей жизни это уже было.

Достаточно завалить прилавки дешевой водкой, раскрутить пропагандистскую машину, как это было при Брежнев, – и все вернется на круги своя. При умелой манипуляции этими рычагами поворот возможен. Но допустить этого нельзя.

– *Вы зарегистрированы кандидатом в народные депутаты. Какие шаги вы предприняли, чтобы стать им?*

– До того момента, когда несколько недель назад ко мне не пришли двенадцать человек и не убедили, что мне нужно включаться в предвыборную борьбу, я об этом не помышлял. Меня действительно убедили, что сегодня это необходимо. Я буду бороться.

– *Я помню, что для людей моего поколения – мальчишек начала шестидесятых Юрий Власов был святым. «А вот Власов поднял бы эту машину одной левой». «А Власов бы один разогнал всю дворовую шпану». А потом это имя звучало все реже. В начале семидесятых появилась написанная вами по материалам вашего отца книга «Особый район Китая». Из короткого предисловия большинству читателей, видимо, не было ясно, что «составитель Ю. П. Власов» – тот самый силач Юрий Власов. И только совсем недавно – два-три года назад – широкий читатель прочел ваши острые публицистические статьи и интервью.*

– Я пережил, наверное, одно из самых жестоких заключений – заключение молчанием. Полная изоляция, неприятие того, что ты пишешь, говоришь, думаешь... для интеллигентного человека, чей труд – работа мысли, более страшного наказания не придумать. Вот он, закупоренный в четырех стенах, что-то пишет, составляет проекты. Но это не берет ни одна газета, ни один журнал, ни одно издательство. Сплошь и рядом в таких случаях происходит надлом психики, нравственности. Целью могут стать только заработки любой ценой, люди превраща-

ются в стяжателей. Другие от полной потери веры в себя спиваются, становятся наркоманами, религиозными сектантами. А если ты пытаешься до последнего сохранить в себе то, во что свято верил, то можешь превратиться в официального городского сумасшедшего. Родная мать уже могла сказать: «да чем ты занят? Посмотри на нормальных людей!»

Выйти из этого состояния безумно сложно. Но чтобы оказаться изгоем, достаточно было на более-менее заметном уровне высказать сомнение по поводу существующих порядков.

И это – замораживание мысли – одно из самых серьезных преступлений нашего режима.

– Одна из наиболее частых тем ваших публицистических выступлений – положение дел в отечественном спорте. Многие из затронутых вами проблем в большой степени можно отнести и к цирку: нередко выжатые как лимон люди оказываются на свалке...

– В условиях, когда физическое состояние народа можно охарактеризовать как вырождение, спорт не должен замыкаться только на добыче золотых медалей, выращивании чемпионов, поглощая средства, крайне нужные для народного спорта, особенно детского. Спорт должен служить здоровью общества, а не амбициям бюрократии.

Так называемый большой спорт сегодня – это не что иное, как торговля телом, торговля здоровьем. Здоровьем и самих спортсменов, и нации в целом. Валютная проституция. Наркотики, непомерные нагрузки, нарушающие гармоничное развитие человека, зачастую лишаящие юных спортсменов возможности стать в будущем здоровыми матерями. Во имя чего?

Во многих видах спорта положение таково, что без допингов уже невозможно показать результат мирового уровня. И в параллель спортивному состязанию приходит еще одно: кто попадется на приеме допингов, а кто – проскочит. Это не только в нашей стране.

Я с разных трибун предлагал: давайте, по крайней мере, в тяжелой атлетике, раз и навсегда откажемся от употребления запрещенных химических препаратов. Честно, сами для себя. Пусть результаты наших спортсменов откатятся на пятые и десятые места в мировых таблицах. Пусть! Но выиграют все, а у больного большого спорта появится шанс стать символом здоровья, а не катастрофически быстрой деградации человека. Физической и нравственной.

И срочно, без лицемерия и лжи, разделить спорт на профессиональный и любительский, назвать вещи своими именами.

– Будь так, тогда бы, видимо, была исключена и та трагедия, которая произошла с вами в 68-м, когда вы оставили большой спорт.

– В те годы у меня еще не было опыта литературной работы. Мне удавалось заключать какие-то договоры с издательствами, чтобы меня не обвинили в тунеядстве. Удавалось печатать спортивные рассказы, но опубликовать серьезные исторические работы было практически невозможно. Та же книга «особый район Китая» готовилась к изданию с невероятным трудом. Работа была начата в 68-м, а издана книга только в 73-м. Тотчас после этого мне было передано лестное предложение Брежнева перейти на работу в Международный отдел ЦК. Это было признание. И какое! Я же о себе точно знал, что работать там не смогу. Таить и искажать свое мнение – это не мое. И потом – литература. Я столько к ней шел... отказ принять это предложение был многими воспринят как сумасшествие. Я ведь во время работы над книгой продал машину, дачу, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

В других работах, касающихся, например, истории Французской революции или дореволюционной истории России, усматривали аналогии с тогдашними правителями нашей страны и, естественно, в публикации отказывали. А с первой частью романа «Соленые радости» произошла и вовсе анекдотическая история: в издательстве «Советская Россия» меня отфутболили, обвинив в том, что «это хуже Кафки». и я ясно осознал: ничего серьезного мне напечатать не удастся. Но я работал. Писал, зная, что я пишу в стол. Но зная и то, что если я начну самого себя править в угоду идеологическим догмам, то деградирую, превращусь в дерьмо.

Сейчас мои книги издаются, и я рассчитываю опубликовать многое из того, что было написано за эти годы.

– *А вы не пытались опубликовать свои книги на Западе, скажем, в издательстве «Ардис»?*

– такие предложения были, но я их категорически отвергал. Я прекрасно понимал, что если за мной сохранялось, по меньшей мере, право писать «в стол», то, опубликуй я хоть строчку на Западе, мне не только не дадут здесь ничего опубликовать, но лишат возможности просто писать: начнутся обыски, допросы.

С другой стороны, когда ты работаешь в одиночестве, в изоляции, будучи оторванным от суеты и идеологической трескотни, появляется уверенность, что выводы, к которым ты пришел, – это именно твои, выстраданные тобой выводы. Но иногда это походило на изобретение велосипеда. Когда я впервые познакомился с книгами Солженицына, то понял, что многое, очень и очень многое, уже известно и написано.

– *Вы член Союза писателей?*

– Нет. И становиться им не намерен.

– *И последнее. Собираетесь ли вы расстаться с литературным трудом, если станете народным депутатом СССР?*

– Я глубоко убежден, что депутат – это, безусловно, профессия, совмещать которую ни с чем нельзя. Профессия, новая для нашего общества. Этому делу надо отдаваться целиком.

Ответственность депутата еще более высока в нынешней обстановке.

...Второй том «Мертвых душ», то, что от него сохранилось, Гоголь заканчивает словами: «Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...»

Мы должны знать свой путь, знать, куда идем.

Беседу вел Михаил Подорожанский.

На критической отметке

Первый съезд народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.)

Заседание седьмое. 31 мая 1989 г.

(Люблинский территориальный избирательный округ РСФСР)

Уважаемый председатель! Уважаемые депутаты!

Я избран от Люблинского района Москвы. Из дачного пригорода столицы Люблинский район превращен в одно из вредных для здоровья мест. Здесь сосредоточены десятки заводов, среди них и такой, как АЗЛК.

Воздух в районе плохой, вода не лучше: купаться в реке опасно. Превышены все запрещающие санитарные нормы, однако не так давно введен в строй цементный элеватор, строится асфальто-бетонный завод. Чем дышать людям? Дымом труб?..

Велика острота и жилищного вопроса... Словом, это один из самых обездоленных районов Москвы. Ведь в центре района действует и литейно-механический завод, главный производственный процесс здесь в неизменности с дореволюционных времен. Это преступление против рабочих, особенно женщин, и преступление против всей Москвы.

Государство привыкло брать у людей силу, здоровье, а возмещать это чрезвычайно скупо, порой оскорбительно и опасно скупо. Это относится и к заработкам, и к пенсиям, и к медицинскому обеспечению. Кстати, цены на лекарства вообще должны быть снижены, и незамедлительно. Людям порой не на что лечиться.

Мы провозглашаем великие принципы, а по существу эксплуатируем людей. Люди сыты по горло обещаниями лучшей жизни и решительно требуют перемен. Дальнейшего спада жизненного уровня рабочих не хочет допускать и не допустит, для этого мы здесь и находимся. Народ пока еще нам верит. Ведь народ многого не требует. Он только хочет одного: чтобы с ним обращались по-человечески.

Уважаемые депутаты! Я не экономист. Основной предмет моего выступления – демократизация нашей жизни. Демократия так же реально кормит, одевает, как и экономика. Это и естественно. Такие два явления связаны органически. Демократия дает простор жизни, развивает экономические отношения. Ну а как демократию обращают в пугало – об этом не сейчас...

Мое выступление никем не определено. На заседаниях московской группы я не бывал. Да я и не любитель заседать. Это выступление не из заготовок, о которых в связи с московской группой упомянул депутат Горбачев. Но я в московской группе и с московской группой. Это факт, и я горжусь этим!

Одно небольшое замечание. Из-за того, что в субботу, 27 мая, мы закончили работу относительно рано, представилась возможность посмотреть телевизионный отчет (не репортаж, а отчет) о Съезде. В центре того дня оказалось выступление Юрия Николаевича Афанасьева. Его выступление, выступление депутата Попова, а также все выступления в их поддержку давались в конспективном изложении, то есть с существенными пропусками. Составить ясное, логическое представление об их позиции было весьма сложно. Зато противная точка зрения излагалась подробно, речь за речью самих депутатов.

Я обращаюсь к тем, кто отвечает за программу «Время». Неужели вы не осознаете, что это есть искажение? Ведь это вы сообщаете в той же программе, в тот же день и час, о 62 процентах людей, которые, согласно опросу, против блокирования Съездом предложений московской группы. И, сообщая об этом, вы тут же совершаете подтасовку, то есть выступаете против большинства людей, этих самых 62 процентов.

Я не сторонник раскола, однако ошибочно думать, что к возможному размежеванию Съезд подталкивает какой-то злой умысел. Все проще – всякое действие вызывает противодействие. В данном случае этот процесс обоюдный.

Попутно еще одно замечание. Пост председателя Гостелерадио настолько важен – переоценить его сложно. Влияние телевидения на умы поразительно и всеобъемлюще. Нет более могучего средства перестройки. Нам предстоит утверждать назначение, скажем, на такой ответственный пост, как председатель комитета конституционного надзора. Я предлагаю включить в данный состав утверждаемых постов и кандидатуру на пост председателя Гостелерадио. Такое назначение должно быть прерогативой, то есть исключительным правом, Съезда. По этим же причинам предлагаю сделать прерогативой Съезда и назначение на пост главного редактора «известий». Нельзя столь важные посты оставлять за аппаратом.

Мы договорились не упоминать о событиях в Тбилиси до отчета комиссии. Это связывает руки. Что ж, отложим свои мнения, подождем. Однако в этой трагической истории всплывает другой факт, о котором нельзя умалчивать. С первого дня работы Съезда здесь, в зале, шел немой опрос первых должностных и партийных лиц страны: кто же отдал приказ о расправе? Ответ депутата Горбачева обернулся необходимостью создать нынешнюю комиссию. Ни при каких обстоятельствах невозможно допустить, будто глава государства не знает всех обстоятельств дела. В противном случае, какой же он глава государства? Также невозможно допустить, что об этом не знали и поныне не знают, не ведают члены Политбюро. Заметьте, никто не дал ответа на настойчивые вопросы, наверное, доброго десятка депутатов, хотя само молчание – уже ответ. Нет, речь не о сокрытии важного факта от Съезда народных депутатов; речь о другом – о необходимости включения в нашу конституцию статьи об импичменте, то есть лишении Председателя Верховного Совета полномочий, как результате сокрытия правды от народа. То, что я говорю, имеет существенное значение на будущее. Глава государства должен отдавать себе полный отчет в том, с кем он: с корпорацией или с народом.

Теперь об ответственности правительства. Об этом уже говорили. Тут были выражены опасения, что мы пережили 10 часов безвластия, пока глава государства не был избран. Стране в эти часы грозили возможные напасти. В большинстве своем мы отдавали себе отчет, кто такой Брежнев и как он правил страной. Беспринципность, соучастие в беззакониях, а чаще страх заставляли людей молчать и не задумываться о возможных бедах, хотя одна из них обернулась горем войны. Брежнев мог отсутствовать не 10 часов, а 10 лет – и вряд ли бы кто заметил.

Подавляющее большинство нынешних членов Политбюро, членов правительства занимало в те годы достаточно видные посты, но, как вы знаете, всякая ответственность ныне списывается одной безбрежно вместительной фразой: «Все мы вышли из того времени». Я с ней категорически не согласен – не все! Но не об этом сейчас речь. Мы уже на четыре года отодвинулись от начала перестройки, и все, что происходит в стране теперь, в значительной мере итог непосредственной деятельности нашего руководства. Богатейшая страна мира в невоенное время перебивается на талонах, что равно карточкам. Нет самых элементарных продуктов. Наш рубль жалок перед любой валютой. В стране много коррупции, беззакония, произвола, страна тонет в безответственных решениях. Великая страна унижена. Падение ниже невозможно, дальше уже развал. Лица, повинные в подобном повороте дел, обычно уходят в отставку, и не поодиночке, а всем составом, как люди, провалившие дело. Так, во всяком случае, принято во всем мире.

Тут говорили: нормальная деятельность правительства невозможна без жесткого контроля. Такими полномочиями Верховный Совет обладает, он – орган исполнительный и распорядительный. Нужно, чтобы депутаты научились спрашивать. Спрашивать с правительства. Скажем, каждые две-три недели правительство будет давать отчет на заседаниях о своей деятельности с трансляцией по телевидению: это внутренняя, внешняя политика, экономика, раз-

личные назначения. От народа не должно быть тайн. И каждый должен предстать перед ним в своем истинном обличье.

Мы видим, и при нынешнем повороте дел правительство не подает в отставку. Этому есть серьезные обоснования: верховную власть всегда подпирала та сила, которой держится весь аппаратный строй.

Почему нашей страной мог править Брежнев? Нет, правил не Брежнев. Он являлся лишь символом. Правило насилие. Оно утвердилось у нас в качестве единственной правовой нормы. Насилие, страх, нетерпимость, жестокость пронизывали нашу жизнь, являлись нервом жизни, не дают распрямиться и сейчас.

Нетерпимость и в этом зале, как знамение всех трех лет. Оно в шиканьях и в стремлениях заткнуть рот оратору. Для народа перестройка (наряду с преодолением экономического кризиса) – это преодоление аппаратной системы. Эта система целиком возшла на принципах подавления личности, бесправия каждого в отдельности – бесправия и, следовательно, незащищенности. Еще очень много лжи носили мы в себе.

Да, сейчас гласность, но оттого, что нам ее подарили, мы не замрем в благодарной почтительности. Демократию следует развивать. Она гарантия нашей силы, а главное – будущего. Мы не можем, не должны ставить свое будущее в зависимость от моральных качеств одной личности. Мы должны дать народу правовое демократическое управление, преодолеть экономический кризис. Это возможно лишь в том случае, если мы сконструируем четкое законодательное право – право спрашивать с тех людей, которые вот здесь, в зале, представляют правительство. Спрашивать с них и тех, кто стоит за ними. Это будет спрос народа.

Из обращения группы избирателей: «еженедельник «Семья» и центральное телевидение рассказали и показали места захоронения жертв массовых репрессий. Это – Донское кладбище, также Калитниковское и Рогожское кладбища в Москве. В местах захоронения прах десятков тысяч наших сограждан, 6 января нынешнего года на встрече в ЦК КПСС с работниками науки и культуры товарищ Горбачев сказал, что нам необходимо выделить эти места, привести в порядок, установить памятники. Принято соответствующее постановление ЦК КПСС, однако в нашем городе не предприняты никакие реальные шаги. Почему? Поиск привел и к другим местам, где «на тысячи» свалены черепа и кости. Мы обязаны почтить память сограждан, подвергшихся издевательствам и казням. Это десятки тысяч казненных безвинно. Такого рода преступлений не знала история человечества. Несомненно, существенную помощь в дальнейшем розыске могут оказать архивы КГБ, но даже сегодня они накрепко закрыты. И сотни тысяч наших семей не могут отдать дань памяти несправедливо казненных или замученных. Не пора ли решить этот вопрос?..»

Чтобы ограничить волю аппарата, необходимо поставить под контроль народа одно из мощных начал его жизнеспособности. Одним крылом КГБ защищает народ от внешнего врага, а другим, несравненно куда более мощным, – осуществляет особую, специфическую функцию. Нет, я не имею в виду борьбу с коррупцией. После тяжких уроков прошлого с миллионами убитых, всех, без исключения, с прямым участием ЧК – МГБ, угрозу демократии в наши дни нельзя считать мифической.

В условиях первых шагов по пути демократизации и в то же время желания раздавить ее такая сила, как КГБ, обретает особый смысл. Ведь КГБ подчиняется только аппарату, КГБ выведен из-под контроля народа. Это самое закрытое, самое законспирированное из всех государственных учреждений. Разумеется, у меня и в мыслях нет чернить работников этого ведомства. Речь о его роли в нашей жизни.

Глубинная засекреченность, объясняемая спецификой занятий, обеспечивает фактическую бесконтрольность КГБ, хотя действия его порой весьма сомнительны. В таких столкновениях с КГБ правды не найти. Искать ее опасно. Манипуляции с якобы психической ненормальностью до сих пор могут угрожать людям, опасным для аппарата.

Демократическое обновление страны не изменило места КГБ в политической системе. Этот комитет осуществляет всеохватный контроль над обществом, над каждым в отдельности. В системе же министерских отношений он явно поставлен над государством, подчиняясь лишь узкой аппаратной группе. Назначение председателя КГБ должно проходить через Съезд народных депутатов. Народные депутаты должны знать численность этой организации и требовать отчета за все нарушения законности, знать ее бюджет. И лучше бы перенести службы КГБ с площади дзержинского. Уж очень незабываема кровавая история у главного здания, где покоится «меч, защищающий народ». Отсюда десятилетиями исходили приказы по уничтожению или преследованию миллионов людей. Горе, стон, муку сеяла эта служба на родной земле. В недрах этого здания мучили и пытали людей, как правило, лучших, гордость и цвет наших народов. Да и сам комплекс этих зданий, таких необъяснимо монументально громадных, как бы свидетельствующих, кому в действительности принадлежит власть в стране. Такой комплекс неуместен в центре Москвы. Будет справедливо, если КГБ уступит эти здания (потребность в помещениях у нас огромна) хотя бы на книгохранилища и построит скромное здание в пригороде, но уж не такое, как его больница в Покровском-Стрешневе. Сосновая роща, ультрасовременное, огромное здание, соединенное веткой метро с центром. По соседству с ним районная туберкулезная больница просто убогое строение. КГБ – это не служба, а настоящая подпольная империя, которая еще не выдала свои тайны, разве только раскрытые могилы. И, несмотря на такое прошлое, эта служба сохраняет свое особое, исключительное положение. Она самое мощное из всех существующих орудий аппарата. И по эффективности, и по безотказности ей нет равных. В Верховном Совете предполагается комиссия по обороне и государственной безопасности. Надо полагать, по деятельности МВД и КГБ (МВД тоже оставило не лучший след в нашей истории). Надо, чтобы эта комиссия была начинена новым содержанием и проводила эффективный контроль. Это одна из существенных задач, правда, трудновыполнимая, как Верховного Совета СССР, так и будущих Съездов народных депутатов.

Еще одно обращение избирателей моего участка. Я получил его вчера. Оно о государственной статистике. «Съезд народных депутатов считает, что в последние годы Госкомстат СССР был одной из государственных организаций, деятельность которой способствовала манипуляциям общественного мнения ложными цифрами, приукрашивающими действительность. Госкомстат СССР до сих пор не проявил способности добиться сокращения потока сомнительной отчетности, которой государственные органы облагают предприятия и учреждения. Съезд постановляет (это проект предложения): образовать комиссию из народных депутатов в рамках Верховного Совета для выяснения истинного положения дел в экономике, в частности, выявления подлинной динамики национального дохода, инфляционных процессов, размеров эмиссий, роста производительности труда, сокращения государственного аппарата. Результаты комиссии довести до сведения народа».

Принципиальное значение имеют выборы народных депутатов не через 5 лет, а через 3 года, и выборы для всех прямые и тайные. Политическое развитие народа идет такими темпами, что нынешний состав Съезда уже не в полной мере будет отражать эти изменения, образно выражаясь, «пятилетний срок» будет блокировать многие важные решения, столь необходимые народу. Мы на критической точке своего развития. 150 лет назад оригинальный русский мыслитель и друг Пушкина Петр Чаадаев писал о России: «Мы – народ исключительный, мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь страшный урок...»

«Страшного урока» больше не должно быть... Так, теперь несколько слов о вчерашних оованиях зала на сообщение о применении силы в Тбилиси. Преступно убивать за убеждения. Лозунги, политическая чужеродность, говоря об инакомыслии, не могут служить оправданием убийств. Такая позиция смыкается с той, которая привела нашу страну к невиданным в мире убийствам, которые мы до сих пор не в состоянии усвоить разумом и своей совестью.

После этих оваций для меня очевидно: размежевание практически неизбежно; нас разъединяет больше, чем соединяет. Это различие в понимании самих основ жизни.

Почему я вышел из КПСС

Заявление для печати. Ноябрь 1989 г.

Два противоречивых начала определяют роль партии в нынешних условиях.

Партия остается сегодня единственной силой, способной обеспечить порядок и дисциплину в обществе. Она тот рычаг, который способен удерживать общество от сползания в хаос и анархию.

Но дело в том, что партия же (а точнее, аппарат) во многом противодействует обновлению страны – всестороннее и глубокое обновление грозит ей утратой политической монополии.

Демократический процесс в стране все больше отрывается от сложившегося десятилетиями характера и смысла деятельности партии.

Лозунг партии – «самоочищение, самообновление, перестройка своих рядов» – думается, не ведет пока к коренному изменению ее облика. Это все та же догматическая авторитарная организация.

Партия в перестройке занимает весьма специфическую позицию. Да, она ее вызвала, но только в условиях, когда государству начал угрожать экономический крах.

Крах государственный означает для партии небытие. Так что, обратившись к перестройке, партия, прежде всего, открыла борьбу за собственное выживание.

И именно поэтому партию занимает не столько последовательность реформ, обновление, возрождение страны, сколько стремление остаться политическим монополистом любой ценой. Эта установка на выживание все чаще и чаще ставит ее поперек процесса обновления страны, вносит в этот процесс существенные нарушения. Особенно убедительным доказательством является обсуждение Закона о печати в Верховном Совете СССР. Все, что угодно, но только не свободная и не независимая печать. Все, что угодно, но сохранение цензуры, контроль над сознанием общества. Все, что угодно, но исключить независимую мысль.

Да, партия за перестройку, но такую, которая не поколебала бы ее позиции – партии, осуществляющей единовластное правление. Эта особая роль партии закреплена и конституционно.

Отсюда и особенность, непоследовательность поведения партии. Она – за широкие реформы. Но и она же – за создание условий, при которых прежняя структура власти сохраняется, лишь обрастая различного рода демократическими атрибутами. Должно произойти приспособление старого аппарата принуждения и диктата к новым условиям.

В первые годы революции основным догматом партии являлся принцип диктатуры пролетариата, проще говоря – диктатуры одного класса над всем народом. Этот догмат ставил партию в исключительное положение, то самое, которое пришло на Съезд скромными напоминаниями: «Мы – правящая партия». Надо понимать это так: диктат по-прежнему за нами. Мы так и понимаем и эти слова, и шестую статью конституции. Да, все права на одной стороне, все обязанности – на другой.

Часть общества (в том числе и коммунисты) хочет избавиться от диктата партии, сознавая гибельность такого положения. Партия ищет, собирается с силами и... нарушает последовательное движение на пути демократизации разными средствами. Тут и обработка умов – вся пресса, что называется, в кармане. Только вдумайтесь: ни одной газеты вне влияния партии, все поставлены под контроль, все так или иначе зависимы. Какая уж тут дискуссия, какая другая точка зрения?

Народ видит, что во многом идет не обновление страны, а игра вокруг обновления.

Вот эта особая роль КПСС в обществе и определяет характер, странности и непоследовательность движения.

Вывод из этого однозначный: КПСС, оставаясь единственной политической силой, превращается в тормоз сложных преобразовательных процессов, не сплачивает общество, а раскалывает.

Аппарат искренен лишь до того момента, когда ничто не грозит его главенствующему положению в обществе. С того момента, как ему что-то начинает угрожать, он поворачивает на сто восемьдесят градусов и возвращается на свои прежние авторитарные позиции, позиции диктата, подавления свободы.

Подлинно демократическая прогрессивная партия не монополизирует власть, не стремится держать народ в подчинении, она не боится вступить в борьбу с любой другой демократической силой.

Нормальная политическая жизнь в стране, нормальный политический климат возможны лишь при равном выражении всеми группами населения и каждым человеком своих экономических и политических воззрений. Эти взгляды, требования на пути развития государства порой существенно отличаются и не могут быть насильственно сведены к одному мнению, к одной партии.

Не надо страдать по единомыслию. Единомыслие – это насмешка над здравым смыслом. Убежден: нужны и иные политические организации, которые способны вобрать политическую инициативу масс, организовать эти массы, выразить их мнение.

КПСС может выражать интересы лишь части народа. Ставя под запрет другие общественные организации, партийное руководство оставляет существенную часть общества без возможности превращения своего мнения, своих взглядов, убеждений в соответствующие партийные программы – есть и всегда существует какой-то иной подход, взгляд на те или иные события, пути движения общества.

Конституция страны должна допустить законодательное оформление других партий. Надо создавать правовое государство, следовательно, иметь в нем такие общественные институты, которые исключали бы монополию на политическую жизнь. Только такие партии способны внести оздоровление в наше больное общество.

Дабы не повторять ошибки прошлого, нужна коренная политическая реформа. Такая реформа должна раскрепостить все общественные, государственные и прочие системы страны. Такая реформа должна исключить политический диктат одной партии; именно тогда будут созданы такие институты власти, которые сделают невозможным насилие в обществе, исключат насилие из общественной, политической, государственной практики. Никто не смеет ограничивать право граждан на создание общественных и профессиональных организаций. Противное положение или мнение означают сохранение несправедливого устройства общества и, как следствие, затягивание кризиса на неопределенный срок.

К этому подошло развитие демократического процесса. Это не забегание вперед, это не левизна, грозящая обернуться беспорядками. Это как раз нормализация политической и общественной жизни.

Еще раз повторю: партийный аппарат скомпрометировал себя в глазах людей, он становится сейчас тормозом на пути демократизации. Вот почему я вышел из рядов КПСС.

Россия прорвется в будущее

«Куранты», № 84, 5 мая 1991 г.

Сначала несколько слов о визите Б. Ельцина во Францию, а если быть более определенным – в Страсбург (резиденцию Европарламента). Именно из-за этой встречи Председатель Верховного Совета РСФСР вынужден был отменить поездку в Гренобль, что вызвало обиду и серьезное возмущение как горожан, так и мэра стариннейшего французского города – гордости страны.

В понедельник, 15 апреля, Ельцин встретился с парламентариями европарламента. Группа социалистов Европарламента позволила вести беседу в недопустимых выражениях. Главу России называли «демагогом», «безответственным человеком» (из-за оппозиции М. Горбачеву). Председатель этой группы социалистов указал Б. Н. Ельцину на дверь: пусть уходит, если «он не желает выслушивать неприятные для себя вещи».

Это право каждого: любить или не любить того или иного государственного деятеля, артиста, спортсмена... Это их право быть в восторге от политики М. Горбачева и раздражаться от Б. Ельцина. Это право любого человека, пока он не официальное лицо и ведет речь не с официальным лицом.

Но в том-то и дело, что в Страсбурге с парламентариями встретился не турист из России, а глава 150-миллионного народа. И когда столь убежденные социалисты, как господин Жан Пьер кот, позволяют себе выражения и выходки, в общем-то недопустимые и для обычного разговора воспитанных людей, они так поступают уже не по отношению к Б. Ельцину, а – России, ибо в данном случае выступает не частный человек, а символ российской государственности.

Нет сомнений, исключительно серьезное положение, в котором оказалось наше государство, внушает некоторым право вести речь с российскими официальными лицами в подобном тоне. История отношений Франции и России не помнит, чтобы с ее официальным главой обращались подобным образом. Нет такого в памяти истории.

Да, блуждая, мы выбредаем из крошечной тьмы прошлого, измученные, оскорбленные, но не потерявшие чести. Если вы думаете иначе – вы глубоко заблуждаетесь, господа. Я готов освежить в вашей памяти некоторые уроки истории. Вы их должны знать по обязанности вашего положения и образования, но, надо полагать, запомнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.